

Глава вторая

«ПИШУ СТАТЬЮ „ЯРОСЛАВСКАЯ ЛИТЕРАТУРА“...»

В том же письме из Ярославля от 25 ноября 1841 года к редактору «Пантеона» и «Литературной газеты» Федору Алексеевичу Кони, где Некрасов сообщал о работе над статьей «Ярославский театр», он говорил еще об одном замысле: «Собрал <...> несколько уморительных книжонок, напечатанных в Ярославле,— пишу о них статью под заглавием „Ярославская литература“; все пришлю скоро, если не приеду сам...» (Н12, 10, 31).

Статья эта не появилась ни в «Пантеоне», ни в «Литературной газете» (Н12, 9, 830). В «Полном собрании сочинений» Некрасова высказывается предположение, что эта статья была не допущена к печати цензурой.

Исчерпав собственные возможности для поисков хоть каких-то следов пропавшей статьи, я сделал попытку установить ее содержание, выяснив эти «несколько книжонок», и ответить на вопрос, почему они казались молодому Некрасову «уморительными».

«Некрасов и ярославская литература» — так формулировал я вначале тему своей работы. Однако скоро понял, что, изучая ярославские издания 1830 — начала 1840-х годов, не следует поддаваться обаянию Некрасова, который в ту пору смотрел на эту проблему юмористически. Соотношение «Некрасов — ярославская литература» — вот что в конечном счете должно быть выявлено или представлено гипотетически в такого рода исследовании.

«Собрал несколько уморительных книжонок...» Читаю эти слова и думаю: неужели все эти издания и выставленные на них имена были совершенно новы для Некрасова, всего лишь три года назад покинувшего родной ему город? Неужели он мог смотреть на них и о них писать, как если бы это были, положим, харьковские или одесские издания, подвернувшиеся под руку во время какой-нибудь поездки на юг?

Сам Некрасов не оставил нам указаний на какие-либо собственно ярославские корни, источники его первых поэтических опытов или хотя бы на местные издания, входившие в круг его чтения. Известно только, что будущему поэту помогли расширить литературный горизонт учителя гимназии: латинист Иван Семенович Топорский и словесник Петр Павлович Туношенский.

В черновом автобиографическом наброске «О моих стихах» находим весьма ценное свидетельство поэта о его гимназическом круге чтения: «„Кор<сар>“ в пер<еводе> Олина<...> „Онегин“ — сестра. „Библиот<ека> для чтения“ в гимназии. „Телеграф“. „Телескоп“ от уч<ителя> Топорского» (Н12, 12, 24).

Здесь же — другое ценное для нас свидетельство: «В гимназии я ударился в фразерство, начал почитать журналы, в то же время писал сатиры на товарищей» (Н12, 12, 21).

Вот и все. И никакого ярославского литературного ареала, как принято считать, у юного Некрасова не было. Это хорошо иллюстрируется поэтическим признанием Некрасова в стихотворении «Муза» (1852):

Нет, Музы, ласково поющей и прекрасной,
Не помню над собой я песни сладкогласной!
В небесной красоте, неслышимо, как дух,
Слетая с высоты, младенческий мой слух
Она гармонии волшебной не учила,
В пеленках у меня свирели не забыла...

(Н15, 1, 199)

«Первые влияния, образовавшие его литературное лицо еще в провинции, — писал о Некрасове Г. А. Гуковский, — по-видимому, не могли бы указывать ни на будущую знаменитость, ни на своеобразие пути поэта. Он начал, как начинают тысячи провинциалов, не слишком культурных, малосведущих и неопытных мальчиков. Литература, на которой он воспитывался, была провинциальной литературой. Это были — или задворки литературной современности, второсортная продукция, рассчитанная на неискущенного и невзыскательного читателя, — или же литература заштатная, доживающая свой век, неисправимо устаревшая для столичной верхушки общества».¹

И все-таки любопытно знать, что же конкретно представляли собой эти «задворки литературной современности», которые уже в конце 1841 года Некрасов был готов изобразить юмористически.

¹ *Гуковский Григорий*. Неизданные повести Некрасова в истории русской прозы сороковых годов // Некрасов Н. А. Жизнь и похождения Тихона Тросникова. М.; Л., 1931. С. 347.

«Он получил,— пишет далее Гуковский,— литературное образование разночинца, ищущего культуры вслепую и приходящего в литературу самотеком; он был лишен подлинной культурной школы, которую в то время давали или аристократические столичные пансионы, или дорогостоящие учителя-воспитатели».²

Так ли уж «вслепую» и «самотеком» вступал юный Некрасов в поэзию? Конкретное изучение литературной жизни Ярославля 1830-х годов поможет, вероятно, уточнить и углубить наши представления о том разночинском «литературном образовании», которое получил автор сборника «Мечты и звуки».

В. Е. Евгеньев-Максимов, основываясь на анализе первого поэтического сборника Некрасова и приведенного выше свидетельства поэта, делает следующий вывод: «В юношеских стихотворениях Некрасова («Мечты и звуки») основным влиянием является влияние романтических приемов творчества и отсутствуют элементы, которые позволяли бы говорить о влиянии «онегинских», т. е. реалистических приемов творчества».³

И чуть ниже (о первых гимназических стихотворных опытах): «Здесь, без сомнения, сказалось влияние усиленного чтения, которым он так увлекался. Сначала читал чужие стихи, затем явилась потребность писать стихи самому».⁴

Никаких местных «примет»... Попробуем все же методом, так сказать, наложения совместить два плана: юношеское творчество Некрасова и литературную жизнь Ярославля 1830-х годов.

* * *

«Литературная газета» регулярно и, как правило, доброжелательно представляла читателям книги, вышедшие в провинциальных городах. Этим она выгодно отличалась от других петербургских изданий, хотя ее отзывы о провинциальных книгах не всегда были хвалебными.

«Наша книжная торговля так чудно устроена,— писал критик «Литературной газеты» в рецензии на одно из одесских изданий 1843 года,— что книг, выходящих вне Петербурга — в Казани, Харькове, Одессе — в Петербурге достать решительно невозможно. Конечно, это, с одной стороны, хорошо: провинциальная литература наша большею частию такова, что лучше ее не видеть, но иногда находятся в ней и такие книги, которых дай бог побольше».⁵

² Гуковский Григорий. Указ. соч. С. 347.

³ *Евгеньев-Максимов В.* Жизнь и деятельность Некрасова. М.; Л., 1947. Т. 1. С. 143—144.

⁴ Там же. С. 147.

⁵ Литературная газета. 1843. 4 апреля. № 14. С. 280.

После «Уединенного пешехонца», первого провинциального ежемесячного журнала, издававшегося в Ярославле в 1786—1787 годах, до начала 30-х годов XIX века Ярославль не проявлял видимых признаков литературной жизни. Некоторое литературное оживление в Ярославле связано с губернатором Константином Марковичем Полторацким, управлявшим губернией с 1830 по 1842 год.

Своеобразным центром культурной жизни Ярославля был Демидовский лицей, высшее учебное юридическое заведение. Еще в начале XIX века крупнейший русский промышленник П. Г. Демидов принес в дар Ярославлю 3619 крепостных крестьянских душ Романовского и Угличского уездов и 100 тысяч капитала — для учреждения высшего учебного заведения.

Сначала оно подчинялось Московскому университету, потом — ярославскому губернатору, а с 1834 года вновь перешло в подчинение Московского учебного округа. На умеренный крестьянский оброк (15 руб. серебром с души) при общем годовом доходе в 60 тыс. рублей Лицей содержал около 40 казеннокоштных студентов, обучавшихся три года. Кроме того, в лицее обучались и своекоштные с ежегодной платой в 350 рублей, и вольнослушатели — всего около 130 человек. Под покровительством лицея были все другие учебные заведения Ярославля, в том числе гимназия.

Даты основания — 29 апреля 1803 года (Ярославское Демидовское высших наук училище) и преобразования — 15 января 1833-го (Ярославский Демидовский лицей) породили традицию торжественных актов в эти дни, на которые собиралась вся городская интеллигенция и чиновничество. В эти дни на торжественных заседаниях профессора, выпускники и студенты лицея выступали перед публикой с учеными трактатами и стихами собственного сочинения.

Стихи и речи преподавателей и учащихся произносились также в Ярославской духовной семинарии и гимназии. В фондах Государственного исторического архива Ярославской области сохранились рукописные сборники с такими текстами, безусловно заслуживающие внимания тех, кто интересуется историей Ярославля и его культурными традициями.

Особый интерес для нас представляет рукописный стихотворный сборник, составленный гимназическим учителем П. П. Туношенским в 1832 году. Этот сборник, не учтенный в «Описании коллекций рукописей...», был обнаружен в 1989 г. ярославским историком-архивистом Ю. Н. Трыковым. Сборник имеет название «Муза Ярославля» и готовился Туношенским к печати в качестве первого номера задуманного им литературно-художественного журнала молодых поэтов. По неизвестным причинам это издание не состоялось.

Обширное предисловие Туношенского к журналу датировано 24 ноября 1832 г. — тем самым годом, когда юный Коля Некрасов стал учеником Туношенского. В нем учитель свидетельствует, что

около двадцати лет занимается обучением своих учеников «пиитическому искусству», помногу раз заставлял их перерабатывать свои стихи, написанные на заданную тему. В сборнике-журнале «Муза Ярославля» представлены стихи Алексея Шемяки, Алексея Ораевского, Дмитрия Егорова, Болеслава Яснева, Николая Федорова, Александра Богословского и самого Туношенского. Некоторые из них, судя по датам под текстами и примечаниям к ним, относятся ко второй половине 1820-х годов и читаны на торжественных актах и в «частных собраниях учащихся и учащихся». ⁶

Надо ли после этого сомневаться, что эту школу Туношенского прошел и юный Некрасов?

В 1835 году московская «Молва» напечатала «Ярославские воспоминания» А. Н. Иволгина, прожившего в этом городе осень 1834 года. Автор отмечал «европейский вкус» салона начальника губерний и его гостей и особенную расположенность городского общества не только к увеселительным затеям (балы, приемы), но и к различным культурным общественным мероприятиям.

«Гимназия,— писал Иволгин,— до сих пор была как бы забыта, но теперь возвращено ей важное назначение, данное мудрыми основателями: скоро заведется при ней пансион, а следовательно, и к гимназическим актам публика перестанет быть равнодушной. Но у нас нет общественной библиотеки, нет литературной газеты, нет постоянного спектакля. Погодите, просвещенный начальник губернии не замедлит оказать свое содействие к основанию ярославского книгохранилища. По крайней мере, известнейшие книгопродавцы в Москве, Петербурге и Риге не пожалуются на ярославских покупателей и покупателей. Новости французской и немецкой литературы можно находить незапоздалыми у некоторых любителей просвещения — добрый знак!» ⁷

Из слов Иволгина видно, что к середине 1830-х годов в Ярославле еще не было собственного книжного магазина, и образованные ярославцы должны были выписывать через комиссионеров книги из других городов.

Впрочем, это не значит, что в то время в Ярославле еще не было никакой книжной торговли. Летом 1835 г. «Ярославские губернские ведомости» поместили следующее объявление: «К 1-му числу сентября 1835 года выйдет в свет книга под заглавием: «Слова и Речи, на разные дни и случаи говоренные Ярославской семинарии профессором Павлом Соколовым». Желающие купить книгу или подписаться на получение оной благоволят адресоваться для получения к самому сочинителю, также книгопродавцу Эрасту Оловяшникову

⁶ ГАЯО, фонд коллекций рукописей, оп. 2, № 1219.

⁷ Молва. 1835. № 27/30. Стб. 55.

в Ярославле или к наборщику Ярославской губернской типографии Алексею Новикову».⁸

Вскоре эта книга, отпечатанная в Ярославской губернской типографии, вышла с посвящением: «Его высокопреосвященству, великому господину, высокопреосвященнейшему Аврааму, архиепископу Ярославскому и Ростовскому и орденов св. Александра Невского и св. Анны первой степени кавалеру сыновнее приношение».

К обозначенной в объявленном книгопродавцем названии должности автора на титульном листе вышедшей книги была прибавлена еще одна: «...Демидовского лица законоучителем, протоиереем». В книгу вошли речи П. Соколова, произносившиеся им на самые разные случаи, в том числе и в торжественные дни Демидовского лица.

Книжная торговля Оловянишникова, очевидно, не оказывала серьезного влияния на культурную жизнь Ярославля. Во всяком случае П. И. Сумароков, инспектировавший губернию в августе 1838 года (как раз в период отъезда юного Некрасова в Петербург), в своем подробном описании города о книжной торговле не упоминает. По его мнению, из всех губернских городов Ярославль уступал в красоте и богатстве только Казани, Одессе и Риге. Приводя разные статистические данные о Ярославле — 33 197 жителей, 577 каменных домов, 2 собора и 57 церквей, 813 лавок; подробно рассказывая о торговле хлебом, скотом, о ремеслах, лицее, гимназии, театре, Сумароков даже не упоминает о книжной торговле.⁹

Итак, пионером книжной торговли в Ярославле был один из богатейших местных купцов Эраст Кузьмич Оловянишников, хлеботорговец и промышленник. В конце 1830-х годов его капитал составлял около 7 млн руб.¹⁰

Вероятно, в лавке Оловянишникова Некрасов и покупал те «уморительные книжонки», о которых собирался писать статью.

Впрочем, книги в Ярославле продавали также и с лотков, особенно в дни ярмарок. Традиционная ярославская ярмарка открывалась обычно 5 марта в *чудотворцы* и продолжалась около 2-х недель. В этот день ярославцы праздновали память местных чудотворцев «Феодора и чад его Давида и Константина». В первые дни марта на Ильинской площади вырастали на скорую руку сколоченные торговые палатки. В отличие от богатой Рыбинской ярмарки ярославская предлагала

⁸ Ярославские губернские ведомости. 1835. № 33. С. 346.

⁹ См.: Сумароков Павел. Прогулка по 12-ти губерниям с историческими и статистическими замечаниями в 1838 году. СПб., 1839. С. 288—305.

¹⁰ См.: Там же. С. 289.

покупателям ограниченное количество товаров: хлеб, лен, лошадей, деревянную, фаянсовую и фарфоровую посуду. В обозрении ярославской ярмарки 1841 года (за несколько месяцев до приезда на родину Некрасова), напечатанном в «Москвитянине», читаем: «Книги в число товару не поставлены, хотя обязательны. Кузнецов всякий раз приезжает к нам с „Асмодеями“, „Черкесами“, „Английским милордом“ и тому подобными литературными знаменитостями».¹¹

Первое известное мне объявление о большом книжном магазине в Ярославле относится к началу 1843 года. В приложении к № 1 «Ярославских губернских ведомостей» этого года напечатано большое объявление купца Н. П. Кирикова об изданиях, продающихся в его книжном магазине, расположенном «в Гостином ряду, против дома купцов Соболевых». Кириков рекламировал исключительно столичные (петербургские и московские) издания. «В означенном магазине,— писал он,— можно получить все, как новые, так и прежние замечательные книги и учебники по опубликованным ценам столичных книгопродавцев; также принимается подписка на все журналы и газеты, издаваемые в России. При оном же магазине находится и библиотека для чтения, желающие пользоваться платят за книги в год — 40 руб.; полгода — 25; месяц — 5 р.»¹²

* * *

Поиск книг, изданных в Ярославле, мне не пришлось вести вслепую. Существенную помощь оказали книга А. В. и Н. А. Астафьевых «Писатели Ярославского края», вышедшая в Ярославле в 1974 году, книга еще одного ярославского исследователя, А. Н. Иванова, «Учитель Лермонтова А. З. Зиновьев...» (Ярославль, 1966).

В числе персональных глав книги А. В. и Н. А. Астафьевых о ярославских писателях, оставивших след в истории русской литературы, нет ни одной — о литераторе, который жил и печатался в Ярославле интересующего нас времени. Зато в обзорной главе «Из истории литературы Ярославля», где представлены по крупицам собранные сведения о литераторах-ярославцах даже самых незначительных, авторы называют и кратко характеризуют два имени: М. А. Майков и П. Праволамский, прямо относящиеся к этому периоду.¹³

Известный русский баснописец Михаил Александрович Майков (1770—1848), племянник известного драматурга В. И. Майкова, воз-

¹¹ Приезжий. Ярмарка в Ярославле // Москвитянин. 1841. № 5. С. 281.

¹² Ярославские губернские ведомости. 1843. 1 января. № 1. С. 2—8.

¹³ См.: Астафьев А. В., Астафьева Н. А. Писатели Ярославского края (до 1917 года). Ярославль, 1974. С. 18, 22.

главлял Демидовский лицей в 1824—1828 годах. Первый сборник своих басен он выпустил в Москве еще в 1821 году и там же в 1825-м издал «Новые басни».

В 1832 году эти же басни были переизданы в самом Ярославле под заглавием «Басни Михаила Майкова. Новое исправленное и умноженное издание». На титульном листе книги крупным шрифтом было напечатано: «Его превосходительству милостивому государю Константину Марковичу и ее превосходительству милостивой государыне Софье Борисовне Полторацким усерднейшее приношение».

«Судя по отдельным полемическим замечаниям Майкова,— пишет современный исследователь русской басни В. П. Степанов,— вкрапленным им в свои стихотворения, он оставался убежденным противником не только романтической школы, но и более ранней сентиментальной литературы. Вместе с тем он отчетливо чувствовал, что тяжеловесные нравоучительные басни, которые он сочинял, были анахронизмом ко времени их появления в свет».¹⁴

В 1836 году в типографии Ярославского губернского правления была отпечатана еще одна тоненькая (29 страниц) книжечка «Басни Михаила Майкова». Вместо посвящения губернатору на обложке книжки была не менее лестная для него эмблема: Аполлон, на спине льва, бряцающий на лире.

Приведу для примера одну из басен Майкова под заглавием «Волк и Дервишек»:

Коварный волк,
Желая заманить овец к себе в лесок,
В лице Дервиша жизни строгой,
Покрыв стан волчий свой одеждою убогой,
Является к овцам
И, все к обману их употребля старанье,
Сказал им, поклонясь: «Невинные созданья!
Овечки кроткие! Не мните, что я к вам
Как хищник, как злодей пришел вас беспокоить
И вашу тишину любезную расстроить.
Увы, мои друзья,
Едва вспомянул свои злодейства, я
Неисчислимы почувствовал мученья,
И тот же час
Решился никогда вперед не трогать вас,
И в знак нелестного с овцами примирения
Одежду на себя одеть,
И в бедной хижине постыся умереть.

¹⁴ Русская басня XVIII—XIX века. Л., 1977. С. 619.

Теперь вам нечего меня остерегаться боле —
 Гуляйте и в лесу, как в этом чистом поле.

Потом

Мой бедный посещать не забывайте дом».

Овечки хитреца приветствие такое

За точное его раскаянье сочли;

В жилище мирное, простое

Заутра все к нему беседовать пошли.

Но тщетная надежда,

Что волчий нрав могла переменить одежда:

Давно ее в лесу волк снял с себя долой —

И ни одна овца не прибрела домой.

* * *

Под видом самого раскаянья, смиренья

Встречаем часто мы одни лишь преступленья,

И лицемер такой и льстец,

Каков в сей басне Волк,— не первый образец.¹⁵

Можно говорить с уверенностью, что басни Майкова были хорошо известны в Ярославле и рекомендовались гимназистам их учителями. Некрасов, знакомый с этими баснями, вероятно, мог купить летом — осенью 1841 года в числе других «уморительных книжонок» и майковский сборник 1836 года.

Мой выбор для примера из басен Майкова не случаен. Сам ярославский баснописец и его произведения напоминают героев рассказа Некрасова «Без вести пропавший пиита» Ивана Ивановича Грибовникова и его творения: «Зарождение плеснеги в стоячем болоте, или Пиит в юности» и трагедию «Федотыч».

«Я, сударь,— говорит пиита, приехавший „из Чебахсар“,— читал свои сочинения в торжественном собрании нашего града. Сам городничий был, смотритель училища на другой день зачем-то прислал мне лаврового листу и писал, что меня должно венчать, как какого-то Тасса...» (Н15, 7, 54).

В трагедии «Федотыч», «заимствованной из прозаической пиимы Василия Кирилловича Третьяковского „Езда на Остров любви“ и написанной размером Виргилиевой „Энеиды“, пародийно переосмыслен, как мне кажется, майковский сюжет с переоблачением Волка. По ходу действия «трагедии» ее герой Федотыч, «подгулявши», идет в лес и проваливается в волчью яму. Там оказался волк, который тотчас «принялся ломать» Федотыча.

¹⁵ Майков Михаил. Басни. Новое исправленное и умноженное издание. Ярославль, 1832. С. 27—28.

«Положено ль волков вводить в литературу? — иронически замечает Наум Авраамович. — Иван Иванович торжественно посмотрел на меня и воскликнул:

— Но се не волк,— баран, одетый в волчью шкуру» (Н15, 7, 56).

Любопытно, что герой автобиографического романа Некрасова «Жизнь и похождения Тихона Тростникова», вспоминая историю своего приезда в Петербург, рассказывает нечто перекликающееся с историей Грибовникова. В судьбе юного стихотворца Тихона также принял участие «отец города», принявший его по просьбе родителя Тростникова.

«Губернатор обласкал меня так, что я вообразил, что приобрел в нем, подобно Горацию <...> своего мецената, от щедрот которого польется на меня золотой дождь. Вследствие того я решился поднести ему свои стихотворения; в одну ночь переписал я другой экземпляр и написал вступление, в котором назвал губернатора отцом города, любимцем муз и просил его дозволить посвятить первые плоды моей неопытной музыки высокому имени его превосходительства, прибавив, что они оттого получат вдвое ценности.

Губернатор был в восхищении от моих стихотворений и в особенности от посвящения. Он сказал моему отцу, что дает мне такое рекомендательное письмо, которое, может быть, составит счастье всей моей жизни; нужно только, чтоб я понравился человеку, к которому оно будет адресовано» (Н15, VIII, 63).

Предполагаю, что юный Некрасов посещал торжественные акты лицея, общался с лицейскими стихотворцами и, возможно, с профессорами. По всей вероятности, это происходило в последний период жизни поэта в Ярославле и Грешневе.

* * *

Профессором словесности в Ярославском Демидовском лицее этого времени был известный ученый педагог и литератор Алексей Зиновьевич Зиновьев (1801—1884).¹⁶ Выпускник Московского университета, он в 1827—1830 годах «наблюдал» за учением М. Ю. Лермонтова в Московском Благородном пансионе при университете.

Ученые статьи, переводы, рецензии и стихи Зиновьева печатались в «Молве», «Московском телеграфе», «Атенее», «Вестнике Европы», «Журнале Министерства народного просвещения», «Москвитянине». Отдельными брошюрами печатались его труды по теории искусства

¹⁶ Подробно об этом см.: *Иванов А. Н.* Учитель Лермонтова А. З. Зиновьев и его педагогическая деятельность в Ярославле. Ярославль: Верхне-Волжское книжное издательство, 1966.

и словесности. Так, в начале 1838 года в Москве вышла книжка Зиновьева «Основания русской стилистики по новой и простой системе».

Подпись «А. З.», криптоним Зиновьева, встречается и на страницах «Ярославских губернских ведомостей» 1830—1840-х годов.

С приходом Зиновьева в лицей это учебное заведение получило возможность издавать сборник своих трудов. Лучшие выступления каждого торжественного акта в день преобразования лицея стали собираться в особый сборник и издаваться в Москве под заглавием «Речи и стихи, произнесенные в торжественном собрании Ярославского Демидовского лицея 15 января...» такого-то года. Этот своеобразный ежегодный альманах продавался, конечно, главным образом в Ярославле. Как профессор словесности Зиновьев был постоянным участником и редактором лицейского ежегодника «Речи и стихи...». Помещавшиеся в этом издании стихи студентов проходили через руки Зиновьева, разумеется, еще перед их публичным прочтением.

С первого выпуска «Речей и стихов...» (1833) и до середины 1840-х годов Зиновьев «вывел в свет» целый ряд своих студентов-стихотворцев: И. Касаткина, И. Виноградова, А. Шемякина, И. Добрынина, Петрова, В. Иванова, П. Праволомского. Некоторые из них впоследствии весьма успешно занимались литературным трудом. Стихи Ивана Касаткина, например, мы встречаем в первом «Ярославском сборнике», собранном Ю. Жадовской.¹⁷

Некоторые ученые труды профессоров лицея издавались в Москве отдельными книжками и продавались, конечно, главным образом, в Ярославле. Навозу две таких книги, которые Некрасов, возможно, купил в числе «нескольких уморительных ярославских изданий» в 1841 году: *«Воздвиженский Дм. О вредных насекомых для полей и лугов и о средствах отвращать вред от сих животных происходящий. Рассуждение, написанное для получения степени магистра философии <...> в Ярославском Демидовском лицее. М., 1839;*

Речь о важности изучения гальванизма относительно наук общественной жизни, произнесенная в торжественном собрании Ярославского Демидовского лицея 15 января 1840 г. исполняющим должность профессора физики, химии и технологии Петром Федоровым. 1840.»

Стимулом для оживления творческой активности ярославских авторов было правительственное разрешение на приложение к «Ярославским губернским ведомостям» неофициальной части (с 1837 года).

¹⁷ Ярославский литературный сборник на 1849 год. Ярославль, 1849. С. 24—28 (стихотворения «Фантазия» и «Песня»).

Два факта литературной жизни Ярослава показали мне любопытными и заслуживающими пристального внимания исследователей творчества Некрасова. 29 апреля 1838 года на торжественном собрании Демидовского лицея студент второго отделения (курса) Петр Праволамский прочитал собственное стихотворение «Жизнь».¹⁸ А на торжественном собрании 29 апреля 1839 года он же прочел стихотворение «Мысль».¹⁹

А. Н. Иванов, автор книги о Зиновьеве, зарегистрировал эти факты²⁰, не сопоставив их с ранним творчеством Некрасова. Между тем эта связь, как мне кажется, существует. Ведь в сборнике Некрасова «Мечты и звуки» есть стихотворения с точно такими же названиями. Некрасовское стихотворение «Жизнь» впервые напечатано в июльском номере «Библиотеки для чтения» 1839 года. Что же касается его стихотворения «Мысль», — оно было впервые опубликовано в октябрьском номере «Сына отечества» 1838 года. Это была первая публикация юного поэта, только что приехавшего в Петербург из Ярославля.

Тексты названных двух стихотворений Праволамского неизвестны. Не думаю, однако, что между стихами Некрасова и Праволамского с одинаковыми названиями есть какая-либо преемственная связь. Совпадение названий объясняется, вероятнее всего, тем, что молодые авторы принадлежат к одной, так сказать, школе. А. З. Зиновьев был, очевидно, не только наставником Праволамского, но, как можно полагать, сыграл и какую-то роль в формировании романтической Музы Некрасова. Эти соображения заставили меня с предельной тщательностью собрать сведения о Праволамском, творчество и судьба которого, как выясняется, прямо связаны с Некрасовым.

Задолго, почти за два года до выхода сборника «Мечты и звуки», Праволамский выпустил книгу своих стихотворений. Московский цензор М. Т. Каченовский подписал рукопись к печати в тот самый день, когда лицейский поэт публично прочитал свое стихотворение «Жизнь», 29 апреля 1838 года, за несколько месяцев до отъезда Некрасова в Петербург.

Книга, отпечатанная в типографии Ярославского губернского правления, вышла в свет лишь в конце 1838 года или начале 1839-го. Титульное оформление сборника свидетельствует о колебаниях автора в решении мучительного для него вопроса: выставлять или не выставлять на книге свое имя? По всей

¹⁸ Речи и стихи, произнесенные в торжественном собрании Ярославского Демидовского лицея 15 января 1839 г. М., 1839. С. 36.

¹⁹ Речи и стихи, произнесенные в торжественном собрании Ярославского Демидовского лицея 15 января 1840 г. М., 1840. С. 54.

²⁰ *Иванов А. Н.* Учитель Лермонтова... С. 117.

вероятности, вначале было принято решение выпустить сборник в двух вариантах: для распространения в Ярославле — только под криптонимом «П.П.». Для продажи в других городах — с полным именем автора.

Половина тиража обложки и титульного листа была напечатана: «Стихотворения П.П.». Вторая половина — «Стихотворения П. Праволамского», причем имя автора в этом случае отпечатано мелким шрифтом. Однако в конечном счете поэт решил совместить эти два вида оформления: одна половина тиража — с именной обложкой и криптонимным титульным листом; другая — наоборот, с криптонимной обложкой и именным титульным листом. На обложке — та же верноподданническая эмблема, что и на книжке Майкова 1836 года: Аполлон, сидящий на спине льва и бряцающий на лире.

Вообще, книга Праволамского не блещет полиграфическими достоинствами: плохая бумага, неряшливая печать; названию каждого стихотворения отведен целый лист.

Вот содержание сборника, в котором ложноромантическая поэтика, типология заглавий чрезвычайно близки содержанию «фразерского» сборника Некрасова «Мечты и звуки»: «Каин (фантастическая сцена)», «Рим», «Аукцион», «Она», «Гению», «Грусть», «Отчужденный», «Русь»; «Звезда», «К ней», «Зима», «Незнакомка», «Мой цветок», «Обольщение».

На титульном листе — эпиграф из Пушкина.

Не для житейского волнения,
Не для корысти, не для битв;
Мы рождены для вдохновенья,
Для звуков сладких и молитв.

Религиозные, официально-патриотические мотивы в сборнике Праволамского сочетаются с мотивами юношеского, романтического отрицания и протеста, порою с оттенком социальным. Приведу стихотворение «Грусть», вошедшее в книгу Праволамского:

Ты замглейся, день веселый,
Раздели со мной печаль;
Я узнала мир крещеный:
Мрачен он, как ночи даль.

Все здесь совестью торгуют,
Все здесь счастье в барышах;
Все, как шашки, грех тасуют
И спешат быть в доведях.

Скучно ныне быть с душою,
Грустно ныне простоте;
Мудрено прожить с сумою,
Горько сирой красоте.

Солнце! доброе светило,
Ты не степлишь грудь людей,
Не свети ж над сей могилой,
Зол мертвец, охладший в ней.

Удели свой день веселый,
Раздели со мной печаль!
Я узнала мир крещеный:
Мрачен он, как ночи даль.²¹

В «Частных известиях» «Ярославских губернских ведомостей» появилась такая заметка:

«Отпечатанная в Ярославской губернской типографии книжка под заглавием „Стихотворения П. П.“ поступила в продажу. Молодой талант, не объявляя и притязания на славу, конечно, не будет иметь недостатка в поощрении от любителей просвещения, предоставляя опыт стихотворений г. П. П. на суд благомыслящего снисхождения опытной публики. Редакция „Губернских ведомостей“ с удовольствием берет на себя обязанность довести о новой книжке до сведения публики и приглашает желающих иметь оную адресоваться прямо в редакцию, которая приятным долгом считает удовлетворить требования немедленно с возможною аккуратностью. Цена за книжку 25 коп. серебром, с пересылкою во все места 30 коп. серебром. Имена удостоивших внимания г. сочинителя напечатаны и розданы будут особо всем гг., подписавшимся на получение книжки стихотворений».²²

Книжка Праволамского была довольно скоро доставлена в Петербург, и уже в мартовском номере «Отечественных записок» 1839 года появилась весьма снисходительная рецензия. Отмечая неряшливость провинциального издания и невыдержанность стиля молодого автора, рецензент все же предпочитает эту книгу некоторым столичным поэтическим сборникам. О «фантастической сцене» «Каин» рецензент писал: «Мы прочли эту пьесу, и она решительно обратила внимание наше в пользу г. Праволамского». В ней, пишет далее критик, «есть огонь, есть энергия, которая

²¹ *Праволамский П.* Стихотворения. Ярославль, 1838. С. 63—64.

²² Ярославские губернские ведомости. 1839. 3 февраля. № 5. Прибавление.

неволью заставляет простить автору стихи, подобные, например, следующим:

Услышишь брязг ты сабли звонкой,
Войдет сюда гигант-герой...»²³

* * *

Документальных данных о личности и судьбе Петра Праволамского у меня пока немного. В годы революции сгорело здание Демидовского лицея вместе с библиотекой и архивом. В делах этого архива можно бы, конечно, найти сведения о происхождении, возрасте Праволамского, подробности пребывания его в лицее и т. д. По отчетам «Об испытаниях, произведенных студентам Демидовского лицея», регулярно (после каждого семестра) отсылавшиеся директором в канцелярию попечителя Московского учебного округа, видно, что Петр Праволамский учился вполне успешно.

Поступив в лицей в 1837 году своекоштным студентом, он был переведен на последнее, третье отделение (курс) казеннокоштным и летом 1839 года успешно сдал экзамены за первый семестр. Однако в ведомости о выпускных экзаменах этого курса, присланной попечителю в феврале 1840 года, имя Праволамского уже не упоминается.²⁴

Личность П. Праволамского в свое время заинтересовала Л. Н. Трефолева, который, судя по его публикации, не был лично знаком с поэтом. Он-то и оставил нам очень ценные, хотя, может быть, и не вполне точные сведения о поэте. Шестой из трефовских «Рассказов об ярославской старине» под заглавием «Поэт Праволамский» был впервые напечатан в № 14 «Ярославских губернских ведомостей» за 1870 год, а затем перепечатан в столичном журнале.²⁵ Трефолов использовал здесь свидетельства ярославцев, знавших Праволамского, книгу его стихов и цитированный выше отзыв «Ярославских губернских ведомостей» об этой книге.

«Кто из поэтов доброго старого времени не писал „к ней“? — говорил Трефолов. — Так и Праволамский писал стихотворение под этим заглавием, но под именем „ее“ он разумел не кого-либо из дев губернского города Ярославля, а свободу...»²⁶ Далее автор «Ярос-

²³ Отечественные записки. 1839. № 3. Отд. VII. С. 143.

²⁴ См.: Гос. исторический архив Московской области, ф. 459, оп. 3, № 365, л. 3; № 502, л. 5, 9; № 563, л. 3; № 727, л. 6; № 890, л. 3.

²⁵ См.: Русский архив. 1876. № 12. С. 500—506.

²⁶ Там же. С. 501.

лавской старины» уточняет, приводя полный текст стихотворения Праволамского «К ней», что речь в нем идет о мечте освободиться «из-под гнета лицейской жизни».

По уходе из лицея, как указывает Трефолев, Праволамский преподавал некоторое время «в одной из гимназий», но был уволен за то, что «выражался зло, резко, возмущаясь житейскими неправдами». Некоторое время он был в труппе ярославского театра, но и оттуда был вынужден уйти. Пагубная страсть к вину делала невозможным какую-либо постоянную службу или литературные занятия. Праволамский пешком совершил путешествие в Сибирь, вернулся оттуда в Ярославль во второй половине 1860-х годов и вскоре умер.

«Он принадлежал к числу тех благородных, но неудавшихся людей сороковых годов,— писал Трефолев о Праволамском,— тип которых представил Тургенев в своих Рудиных и других героях».²⁷

В молодости некоторое время Праволамский жил в Петербурге и вспоминал об этом впоследствии как о «блистательном» периоде своей жизни: «Тут были воспоминания <...> о Каратыгине, Асенковой и многих других светлых личностях сороковых годов».²⁸

Это чрезвычайно любопытное свидетельство. Нетрудно подсчитать, что Праволамский приехал в Петербург не ранее второй половины 1839 года (время ухода из лицея) и не позднее начала 1841 года (В. П. Асенкова умерла в апреле 1841 года).

Особую важность этот факт приобретает в сопоставлении с другим. Трефолев сообщает, что по возвращении из Сибири Праволамский снова собирался побывать в столице. «В Петербурге,— пишет мемуарист,— он хотел быть у нашего поэта Н. А. Некрасова, с которым он, по словам его, когда-то делил дни юности».²⁹

Из этих слов не совсем ясно, где Праволамский познакомился и «делил дни юности» с Некрасовым: в Петербурге в 1839—1841 годах или еще до отъезда Некрасова из Ярославля летом 1838 года. Однако, судя по связи стихов Праволамского с некрасовскими стихами из сборника «Мечты и звуки», это знакомство должно было произойти еще в Ярославле, а в Петербурге два ярославских поэта встретились как старые приятели.

Как и герой рассказа Некрасова «Без вести пропавший пиита», опубликованного в сентябрьской книжке «Пантеона» 1840 года, Петр Праволамский приехал в Петербург не с пустыми руками. В отделе рукописей Пушкинского Дома хранятся две тетрадки с

²⁷ См.: Русский архив. 1876. № 12. С. 503.

²⁸ Там же. С. 505.

²⁹ Там же. С. 506.

произведениями П. Праволамского, обе — из архива А. В. Никитенко. Они представляют собою, очевидно, беловые рукописи, переданные Никитенко как редактору «Сына отечества» для публикации в этом журнале. В первой тетрадке — стихотворения «Чугунный крест», «Гость», «Утес», «Песнь бедняка (из Уланда)» с пометой: «1840. Село Благое» и «Отрывок из поэмы „Елена Глинская“» с пометкой «1840. Москва». ³⁰

Вторая тетрадка, сшитая из шести больших двойных листов писчей бумаги (24 страницы), представляет собой начало прозаического произведения («тетрадь первая»): «Падение Миссолунгии. Историческая повесть А. фон Тромлица (пер П. Праволамского)». ³¹

Ясно, что по крайней мере первая тетрадка составлена до приезда Праволамского в Петербург. Значит, он приехал в столицу в 1840 году. По свежим впечатлениям о встрече с земляком-пиитой Некрасов, очевидно, и написал рассказ «Без вести пропавший пиита», использовав здесь, разумеется, и другие ярославские впечатления.

Ни одно из произведений, переданных профессору Никитенко (возможно, не без помощи Некрасова), в «Сыне отечества» напечатано не было. Однако в 1842 году в Москве вышел сборник «Литературный кабинет. Труды артистов императорских московских театров...». В этом артистическом сборнике помещены и четыре стихотворения, подписанные «П. Праволамский»: «Чугунный крест», «Гость», «Не упрекай!» и «Волнение». Два первых известны по тетрадке из архива Никитенко.

Приведу одно из оставшихся ненапечатанными стихотворений Праволамского по автографу из архива Никитенко:

УТЕС

Я видел море, как оно рвалось к скале,
 Как бы закланное давнишними враждами,—
 Хотело спор решить в торжественной борьбе,
 И море силилось утес сломить волнами.
 Но тщетен был напор озлобленных угроз,
 Напрасно ветры все гуляли на просторе,
 Гранитной грудью их оттолкнул утес,
 Утес по-прежнему остался выше моря... ³²

³⁰ ИРЛИ, 19, 470.

³¹ ИРЛИ, 19, 542.

³² ИРЛИ, 19, 470, л. 2.

В числе нескольких «уморительных книжонок», изданных в Ярославле и купленных Некрасовым в 1841 году для статьи «Ярославская литература», не могли не быть книжки его однокашника по гимназии, сына священника, уволенного из духовного звания Евгения Ивановича Саблина. Первая стихотворная книжка этого ярославца под заглавием «„Полевой цветок“. Стихотворение Евгения Саблина», вышедшая в Ярославле в 1840 г., была разрешена цензурой к печати еще 26 мая 1839 года.

Тоненькая стихотворная брошюрка под заглавием «Полевой цветок» представляет собою 1-й выпуск (так Пушкин издавал «Евгения Онегина!»), по-видимому, длинного стихотворного повествования, названного «Поездка в Италию». О «художественном уровне» этого произведения можно судить уже по первым строкам:

Во всей красе была весна,
Природа дивною казалась
И, будто тотчас создана,
В глаза людей она бросалась.
Луч солнца, прежде удаленный,
Ударил в землю — озарил
И как бы факел вдруг зажженный
Что было мертво — оживил.³³

Великосветские герои графоманского творения Саблина совершают путешествие по Европе (в собственной карете), автор ведет свое повествование с простодушно-нахальной претензией на пушкинскую легкость:

Граф Голубовский с своим сыном
Сидят в коляске, — то друзья!
Был сын увязан кашемиром.
Кто ж в том свидетель? — Это я...
Да как же сели они скоро
В кибитку? — Спросят уж меня!
Там вам не знать таких-то вздоров, —
Спросите ж сами вы себя!..³⁴

Этот выпуск «Полевого цветка», единственным сюжетным событием которого является признание сына отцу, что он любит

³³ Саблин Евгений. Полевой цветок. Стихотворение. Ярославль, 1840, С. 5.

³⁴ Там же. С. 6.

Catherin'u, обрывается дружески-фамильярным («по-пушкински!») прощанием автора с читателем:

Итак, кончается стремленье
Начала повести моей,—
Сегодня праздник, воскресенье —
Гулять, гулять спешу, ей-ей!..³⁵

Книжка Саблина была замечена «Отечественными записками», но лучше бы этот журнал ее не заметил... П. Н. Кудрявцев — рецензент журнала Краевского — не оставил Саблину никакой надежды на доброжелательное отношение к его музе в будущем: «...Муза г. Саблина еще очень молода,— писал Кудрявцев,— так молода, что еще не успела выучиться орфографии <...> Беда, конечно, невелика; однако зачем бы писать стихи, когда еще не умеете писать и что-нибудь? Время еще не ушло; вот другое дело, когда выучитесь писать правильнее, ну, тогда... Впрочем, нет, мы не советовали бы г-ну Саблину даже и тогда заниматься стихописанием...»³⁶

Некрасов мог познакомиться с первой книжкой своего одноклассника, получив экземпляр ее по почте от автора или от сестры Елизаветы. «Саблина стихи очень глупы,— писал он сестре 9 ноября 1840 года.— Это глупый, сумасшедший Н-й, которого я вам не советую пускать к себе в дом, потому что по бессознательной глупости своей он может, пожалуй, наделать каких-нибудь мерзостей» (Н12, X, 19—20).

Следующие «выпуски» «Полевого цветка» в печати не появились. Однако до приезда Некрасова летом 1841 года в родной город Саблин выпустил еще одну книжку, отпечатав ее также в Ярославле. Весной 1841 года в «Ярославских губернских ведомостях» трижды было напечатано объявление книжной лавки Оловянишникова: «Издан стихотворный отрывок г. Саблина «Кавказская сцена», который и продается в книжной лавке Эраста Оловянишникова. Любители чтения благоволят адресоваться с платою за экземпляра 25 копеек серебром».³⁷

«Кавказская сцена» — драматическое произведение в стихах, таких же графоманских, как и «Полевой цветок». Действующие лица: Атаман-запорожец, Отряд казаков, Уланы и Поэт. Содержание всей сцены — бой казаков с черкесами, передаваемый в диалоге

³⁵ Саблин Евгений. Указ. соч. С. 16.

³⁶ Отечественные записки. 1840. № 8. Отд. VI. С. 41.

³⁷ Ярославские губернские ведомости. 1841. Прибавления к № 17—19 от 25 апреля, 2 и 9 мая.

Атамана с ординарцем, и рассказ освобожденного в этом бою Поэта о том, как он попал в плен к черкесам:

Вчера я был в руках черкесов,
Попал не помню как и сам,
Глядел, сидя средь двух утесов,
И вдруг я голос слышу там.
Невнятен мне он показался,
Пошел, иду,— кругом меня
Все тихо, наконец, раздался
Какой-то гул в лесу, и я
Как будто тотчас пробудился,
Живая мысль родилась тут...
Но как и где я очутился,
Не помню сам. Ко мне идут
С черкесской вольностью две девы,
Я не знаком, не знаю их;
Одна дочь князя в двадцать лет,
Собой красотка, так добра,
Я вам скажу, сравненья нет!»³⁸

* * *

Изучение ярославской литературы 1830 — начала 1840-х годов немногим обогащает наши представления о развитии всей русской литературы этого периода. Значимость и ценность такого изучения — в меняющемся представлении о среде, в которой родился и получил первоначальное развитие талант великого русского поэта. Именно в 1830-е годы в Ярославле происходит резкий качественный скачок в культурном развитии: появляются газета, постоянно действующий театр, книжная торговля, выходят первые книги местных авторов — первые за всю историю древнего Ярославля!

Поощрение поэтических опытов учащихся Ярославской гимназии и Демидовского лицея, возвращение собственных поэтов под «наблюдением» опытного педагога — литератора А. З. Зиновьева, литературная среда, сформировавшаяся в городе во второй половине 1830-х годов,— все это несомненно оказало благотворное воздействие на юного Некрасова.

Почему Некрасов не написал свою статью «Ярославская литература»? Возможно, потому, что уже тогда понял несостоятель-

³⁸ *Саблин Е.* Кавказская сцена. Ярославль, 1841. С. 13—14.

ность сугубо юмористического освещения провинциальной литературы. Через восемь лет Некрасов вспомнил о своем ошибочном замысле. Рецензия на первый «Ярославский литературный сборник 1849 года»³⁹ начиналась словами: «По всей вероятности, не один читатель раскроет нашу рецензию с предубеждением, ожидая встретить устарелые шуточки по поводу ярославских поэтов, провинциальных литературных сборников и других предметов, служащих пищею для остроумных или добывающихся остроумия рецензентов...»⁴⁰

Некрасов уже в начале 1840-х годов отказался от пренебрежительного отношения к провинциальной литературе.

³⁹ Принадлежность этой рецензии Некрасову убедительно доказана Ф. Я. Приймай в одном из его докладов в 1985 году в Пушкинском Доме.

⁴⁰ Современник. 1850. № 1. Отд. V. С. 55.